

Н. Ф. Кукушкина, Фонетика мокшанских диалектов (в лингвогеографическом аспекте). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 2012. 165 с.

5 апреля 2012 г. на заседании диссертационного совета Д 212. 117. 09 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева состоялась защита кандидатской диссертации Нины Филипповны Кукушкиной на тему «Фонетика мокшанских диалектов (в лингвогеографическом аспекте)». Работа выполнена под руководством доктора филологических наук профессора Г. С. Ивановой. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. Н. Куклин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук доцент Л. И. Макушкина (Саранск).

Исследование состоит из введения (с. 3—10), четырех глав (с. 11—146) и заключения (с. 147—154). Библиографический список с учетом сокращений содержит 97 наименований (с. 157—165). Список словарей (с. 165) включает восемь названий. Н. Ф. Кукушкина постаралась дать достаточно полные библиографические записи источников. Однако не все из них охватывают всю библиографическую информацию.

В справочной части работы дан список названий населенных пунктов (с. 155—156), где в течение ряда лет собирался диалектный материал по мокшанскому языку. Кроме того, в работе представлены 29 таблиц и 27 карт.

В центре внимания автора решение таких задач, как анализ теоретических предпосылок изучения фонетики мокшанских диалектов; систематизация

диалектных особенностей мокшанского языка; описание фонетических процессов, способствовавших становлению фонетической системы мокшанских диалектов; выявление ареалов распространения фонетических явлений (с. 3).

Свои изыскания Н. Ф. Кукушкина проводила на диалектных материалах, хранящихся в словарном кабинете мокшанского и эрзянского языков Мордовского университета. Она пользовалась также материалами, собранными в полевых условиях. Кроме того, использованы диалектные тексты, научные труды и публикации отечественных и зарубежных финно-угроведов, в которых имеются лексические и фонетические данные диалектов мокша-мордовского языка, и сведения из словарей различных типов (с. 3—4).

Во введении (с. 3—10) указываются актуальность темы, объект, цель и задачи исследования; интерпретируются лингвистические методы и приемы; описываются источники работы; раскрывается новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость.

Глава 1 «История изучения фонетического строя мокшанских диалектов» (с. 11—19) посвящена систематизации и комментариям к работам современных исследователей по фонетике мокшанских диалектов. Историкография вопроса характеризуется широтой охвата источников и глубиной проникновения в сущность анализируемого материала. Однако некоторые работы не попали в поле зрения

Н. Ф. Кукушкиной. Например, статьи С. З. Деваева «Диалекты мокша-мордовского языка в фонологическом аспекте» (Очерки мордовских диалектов IV, Саранск 1966, с. 3—15) и «О сочетаемости фонем в юго-западных говорах мокша-мордовского языка» (Очерки мордовских диалектов IV, 226—250) и статья Р. В. Бабушкиной «Темяшевский диалект мокша-мордовского языка» (Очерки мордовских диалектов IV, 16—225), которые имеют определенное теоретическое значение и полезны для исследователей мокшанского языка.

Глава 2 «Система вокализма» (с. 20—83) состоит из восьми разделов, выделенных на основе индексационного принципа нумерации. Раздел «Гласные переднего ряда» (с. 21—44) включает три подразбики.

В наименовании главы имеется тавтология: слово *вокализм* означает систему гласных. Следовательно, слово *система* здесь избыточно.

Глава богата ценными сведениями и новой информацией: некоторые междиалектные звуковые соответствия мокшанского языка анализируются впервые. В этой связи интересно бы узнать, зависит ли судьба гласных непервых слогов от позиции по отношению к ударению и связана ли она с редукцией? У рецензента возникли вопросы о правомерности употребления некоторых терминов. Так, Н. Ф. Кукушкина говорит об унлаутной позиции. Однако формулы, в которых фигурирует гласный *i*, показывают инлаут, т.е. середину слова. Характеризуя согласные, она говорит о палатальных и веллярных согласных. Однако термины «веллярный» и «палатальный» в большинстве случаев употребляются при классификации гласных звуков. Во избежание путаницы при употреблении терминов и понятий рекомендуется пользоваться традиционными терминами «переднеязычный», «среднеязычный» и «заднеязычный».

Гласные, как правило, противопоставляются по трем дифференциальным признакам — ряду, подъему и лабиализации. Однако у Н. Ф. Кукушкиной они почему-то противоп-

ставляются по месту образования, что характерно только для согласных.

Глава 3 «Система консонантизма» (с. 84—121) состоит из двух разделов: «Консонантизм *ä*-ового и *э*-ового диалектов» и «Консонантизм *и*-ового диалекта». Замечания по наименованию главы аналогичны таковым по главе «Система вокализма».

В данной главе значительное внимание уделяется интерпретации согласных начала, середины и конца слова. Так, в *ä*-овом и *э*-овом диалектах мокшанского языка в анлауте более употребительны глухие шумные и сонорные. Развитие начальных звонких, по мнению автора, произошло после распада языка-основы (с. 91).

В исходе непроемного слова в *и*-овом, *э*-овом и *ä*-овом диалектах мокшанского языка Н. Ф. Кукушкина усматривает следующие особенности:

- 1) твердые переднеязычные согласные возможны лишь после гласных заднего ряда: *kal* 'рыба', *od* 'новый', *kuz* 'ель';
- 2) мягкие согласные не зависят от качества предшествующих гласных: *käd* 'рука', *mokär* 'чурбан', *t'ev* 'дело', *kal* 'ива', *ma'* 'яблоко';
- 3) в конце односложных слов звонкие шумные согласные *z*, *ž*, *d*, *d'*, *v* произносятся без оглушения: *kuz* 'ель', *važ* 'шапка', *kud* 'дом', *ved'* 'вода', *t'ev* 'деко *šäv* 'лучина';
- 4) в конце многосложных слов для согласных *z*, *ž*, *d*, *d'* возможно двоякое произношение: *värigas/värigaz* 'волк', *tarad/tarat* 'ветка', *kravad/kravat* 'кровать';
- 5) глухие согласные *p*, *k*, *m*, *s*, *š*, *t*, *t'* в исходе слова употребляются мало, они встречаются в исходе звукоподражательных слов, а также в единичных непроемных знаменательных словах: *cap* 'цоп', *lap* 'лап', *srup/strup* 'сруб', *šak* 'вчера', *koms'* 'двадцать', *klad'/klat'* 'стог', *kikk's* 'воробей';
- 6) согласный *j* возможен преимущественно в односложных словах: *läj* 'река', *uj* 'мозг', *vaj* 'масло', *kuj* 'змея', *pej* 'зуб';
- 7) глухой *h* встречается лишь в словах, заимствованных из русского языка: *voräh* 'ворох', *poräh* 'порох';
- 8) в конце производных слов образуются сочетания, которые могут включать

от двух до четырех согласных: *kad̆ms* 'оставить' — *katf* 'оставленный', *kand̆ms* 'нести' — *kanks* 'ноша', *pan̆d̆ms* 'наложить заплатку' — *kanks* 'заплата', *šarks* 'круг' — *šarkst* 'круги' и др. (с. 103—104).

Бесспорный интерес в третьей главе представляют выводы о количестве согласных в диалектах мокшанского языка. Так, консонантизм *ä*-ового и *ə*-ового диалектов, по мнению Н. Ф. Кукушкиной, состоит из 33 единиц, а система согласных *и*-ового диалекта включает 35 единиц (с. 104, 120). В связи с этим встает вопрос: эти единицы являются фонемами или звуками? Как известно, понятия фонемы и звука речи не совпадают. Важен и вопрос теоретического характера — придавала ли Н. Ф. Кукушкина дивергентам (альтернантам фонем) фонемный статус?

Причиной появления звонких шумных согласных в анлауте слова, в первую очередь, как полагает автор, стала дистактная ассимиляция со стороны звонкого согласного последующего слога: *tolga//dolga* 'перо', *šov̆ñi//šov̆ñi* 'глина' (с. 92). Имело ли место в озвончении глухих согласных явление сандхи, т. е. позиционно обусловленное изменение звуков, возникающее на стыке слов (внешнее сандхи) и морфем (внутреннее сандхи)?

Глава 4 «Фонетические явления в звуковой системе мокшанских диалектов» (с. 122—146) состоит из двух разделов: «Фонетические процессы в области гласных» (с. 122—130) и «Фонетические процессы в области согласных» (с. 131—146). В первом анализируются такие фонетические явления, как сужение гласных, расширение гласных, выпадение гласного, вставка гласного, передвижка артикуляции по ряду, чередование, гармония гласных (или сингармонизм). Во втором разделе рассматривается прогрессивная (контактная, частичная) ассимиляция по звонкости, исследуются разновидности регрессивной ассимиляции (по звонкости и глухости, по месту и способу образования), описывается аффрикатизация, дается лингвистическая оценка выпадению согласных, диссимилляции, сохранению

(восстановлению) согласного из дифтонгических сочетаний гласный + *v*, гласный + *j* стечению согласных.

Следует отметить, что анализируемый материал Н. Ф. Кукушкиной строго систематизирован. Выводы, к которым приходит автор в этой главе, не вызывают сомнения.

Теоретическую часть исследования завершает заключение (с. 147—154), содержащее умело сформулированные выводы по всем главам.

Н. Ф. Кукушкина поставила и решила важные вопросы мордовской диалектологии, нацеленные на сбор и систематизацию словарного материала по мокшанским диалектам. Исследование обширного материала позволило ей сделать ряд тонких наблюдений об основных фонетических особенностях диалектов мокшанского языка и ввести в научный оборот новые данные по их звуковой системе. Ей удалось провести большую работу по изоглоссированию и интерпретации пучков фонетических изоглосс.

Н. Ф. Кукушкина сформулировала обобщающие выводы о фонетической системе мокшанских диалектов с привлечением ранее неизвестного или малоизвестного диалектного материала и методов лингвистической географии, которые, несомненно, окажут содействие в разработке теоретических вопросов по диалектологии уральских языков.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что Н. Ф. Кукушкина решила многие ключевые вопросы мордовской диалектологии и фонетики. По содержанию предлагаемые решения не вызывают возражений. Репрезентация конкретных наблюдений и выводы автора аргументированы, научно обоснованы. Теоретическая и практическая значимость их несомненна.

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

Address

Anatolij Kuklin
Mari State University
E-mail: ifu@marsu.ru, markaf@marsu.ru